

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНТИЧНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аннотация. Статья посвящена методологическим особенностям античной юриспруденции. Особое значение античного периода развития методологии заключается в том, что именно на этом историческом этапе были заложены принципиальные основы методологической матрицы познавательной деятельности. Разумеется, объективно следует говорить только об элементах научного познания и методологии в период Античности, так как наука в ту эпоху еще не могла выступить способом планомерного и систематического производства научных знаний на основе всестороннего исследования действительности. Тем не менее именно тогда начал складываться методологический базис юридической науки, особенно благодаря теоретическим усилиям греческих мыслителей и выдающихся римских юристов: греческие мыслители взяли на себя разработку теоретической стороны политико-правовой проблематики, а римские юристы стали широко известны благодаря практической деятельности на ниве государства и права. Римское право не только явилось финальной стадией эволюции античной юриспруденции, но и стало итогом развития всей юридической теории и практики древности, втянув в свою орбиту многие важные достижения правовой мысли большей части передовых стран Древнего мира. Таким образом, настоящая статья освещает довольно неоднозначный вопрос о методологических основаниях теории и практики юриспруденции античного времени.

Ключевые слова: античная юриспруденция, герменевтический метод, естественное право, кодификация, логический метод, методология, право народов, право справедливости, система права, системный подход, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.189-206

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Френсис Бэкон, создатель знаменитого трактата «Новый органон», сравнивал метод познания со светильником, освещающим путнику дорогу во тьме, и утверждал, что даже хромым калека, идущий по дороге, способен без особого труда опередить всадника на лихом скакуне, мчащегося во весь опор по бездорожью. Для английского философа были совершенно очевидны черты глубокого сход-

ства методов познания со средствами производства. «Ни голая рука, ни предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями, которые нужны не меньше разуму, чем руке. И как орудия руки дают или направляют движение, так и умственные орудия дают разуму указания или предостерегают его»¹.

Правильно избранный познающим субъектом метод — это тот конкретный способ постижения феноменов объективной реальности,

¹ Бэкон Ф. Новый органон // Сочинения : в 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 12.

© Галкин И. В., 2017

* Галкин Иван Викторович, кандидат юридических наук, преподаватель Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
galckynvanya@rambler.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

который, подобно волшебной нити Ариадны, приводит исследователя к цели, заключающейся в адекватном постижении вещей и явлений окружающего мира, то есть к истине. Важнейшей функцией такого метода становится внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования какого-либо объекта, то есть выбор верного вектора исследования. Таким образом, метод познания есть не что иное, как способ достижения конкретной цели (результата) познания и определенным образом организованная практическая либо теоретическая когнитивная деятельность, а также совокупность тех приемов и правил мышления, норм и принципов познания либо практических, предметно-чувственных действий, применяя которые познающий субъект получает новое знание.

Понятие «методология» имеет два основных значения: во-первых — это система определенных способов, средств, приемов, методов, алгоритмов, применяемых в той или иной сфере человеческой деятельности (в науке, философии, искусстве, политике) и в этом значении это понятие близко понятию методики; во-вторых, методология — учение об этой системе, общая теория методов, а также исследование степени их эффективности и условий применения в различных областях знания.

Существует известное отличие философской методологии от методологии научной, обусловленное принципиальным различием способов и средств постижения действительности наукой и философией. Напомним, что в системе объективного идеализма Гегеля философия объявляется высшей ступенью развертывания и становления абсолютного духа, выступая синтезом искусства и религии. Философское осмысление обладает интуитивным (или эйдетическим) характером в своей попытке холистического охвата действительности, в силу чего ему присущ дедуктивный метод познания, в котором частные положения логически выводятся из общих положений (аксиом, гипотез, постулатов), то есть философия — путь познания от общего к частному. По своему методу философия есть рациональный способ освоения действительности, а по своей цели философия есть знание, свободное от утилитарных практических интересов, чем она отличается от большей части

иных знаний, прежде всего научных и технических, которые призваны обслуживать повседневные нужды человека. Бертран Рассел полагал, что философия «является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения»².

Для научного познания, базирующегося прежде всего на исследовании фактического положения дел в мире вещей и явлений, более характерен индуктивный метод познания, в котором общее предположение (гипотеза) выводится из частных фактов, то есть осуществляется движение мысли от частного к общему. На протяжении истории человечества наука и философия были всегда так тесно связаны, так переплетены, взаимно обогащая друг друга, что в Новейшее время философия (уже в облике философии науки) осуществляет по отношению к науке методологическую (и идеологическую) функцию. Современный американский философ науки М. Томпсон, определяя предмет своей дисциплины, отмечал, что она занимается преимущественно изучением методов и принципов, на основе которых ученые истолковывают факты и выдвигают гипотезы, а также философия науки исследует процесс развития самой науки³.

§ 1. ИСТОКИ ФИЛОСОФСКОЙ И НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Каждой ступени в развитии общественного сознания соответствует своя особая картина мира, которая должна в полной мере выразить и отразить конкретное мироощущение, мировоззрение и миропонимание своей эпохи. Для предистории и раннего исторического периода были характерны попытки создания целостной мифологической картины мира, объяснявшей предметы и явления окружающего мира, а также благоприятные либо враждебные для человека стихии деятельностью неких сверхъестественных существ или сущностей, что в крайней степени развития приводит

² Рассел Б. История западной философии. М., 2016. С. 10.

³ См.: Томпсон М. Философия науки. М., 2003. С. 7.

к мысли о всеобщей одушевленности мироздания (гилозоизм). Подобного рода обобщенная мифологическая картина мира формируется на основе анимистических, магических и политеистических представлений древних людей, а проще говоря — на основе их суеверий.

«...Мы высмеиваем представления древних язычников, их наяд, ореад, гамадриад и т.д. Мы с полным основанием порицаем созданный ими культ всех этих существ, так как знаем из Писания, что бог запретил всякий религиозный культ, не посвященный непосредственно и единственно лишь ему. Но когда представляешь себе разум человека, лишенный помощи Писания и предоставленный самому себе, то, как мне кажется, легко понимаешь, что в этом случае разум должен был вообразить, что огромная Вселенная повсюду пронизана чрезвычайно активной силой, знающей, что она делает. Но чтобы объяснить столько различных явлений, наблюдающихся в природе, отличных и даже противоположных друг другу, необходимо вообразить существо, разнообразящее свои действия в зависимости от видов тел, или великое число духов, каждый из которых имеет определенное занятие. Одни приставлены к истокам рек, другие — к горам, третьи — к лесам и т.д.»⁴. Поскольку человека окружает огромное количество таинственных предметов, существ, сущностей или явлений, то и «божеств», стоящих за ними, было «сотворено» фантазией людей немалое число, чем, собственно, и было положено начало политеистическим религиям языческой древности человечества. Данные «божественные» сверхсущности или сверхсущества вели себя как в полной мере одушевленные феномены, отражая в своем облике и поведении сущностные черты психики своих творцов, то есть самих людей. «Бесконечная или божественная сущность, — утверждал Л. Фейербах, — есть духовная сущность человека, которая, однако, обособляется от человека и представляется как самостоятельное существо. Бог есть дух — это значит в действительности: дух есть Бог»⁵.

В середине I тысячелетия до н. э., то есть именно в тот ключевой исторический период, которому Карл Ясперс дал название «осевого

времени», начинает складываться совершенно новая форма интеллектуального освоения бытия человеком — философская картина мира. «Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день», — утверждает немецкий мыслитель⁶. Философское осмысление действительности стало едва ли не первым за все время существования биологического вида *homo sapiens* способом систематизированного и одновременно систематизирующего осознания и отображения реального мира, поскольку действительность мира как целого является основным содержанием философии.

Будучи по преимуществу рациональной формой знания, философия стремится к стройности, систематичности, последовательности и обоснованности. Этим философия качественно отличается от всех предшествовавших ей способов осознания и познания окружающей человека природной или общественной действительности: от магии или мифологии до религии либо искусства. Вполне закономерно, что важнейшим источником зародившейся в древности науки была философия, возложившая на себя функцию выработки методологической матрицы как для науки, так и для себя самой, поскольку в философии в наиболее обобщенной форме выражено единство теории и метода.

Методология в своем историческом развитии прошла долгий и непростой путь от выработки наиболее общих методов (всеобщие философские методы) к созданию подходов все более частного характера (общенаучные и частнонаучные методы), но с постоянным обогащением содержания первых конкретными результатами приложения вторых. Всеобщие философские методы необходимы для той либо иной конкретной области знания именно потому, что каждая конкретная наука принципиально не способна их выработать на основе доступных ей узкоспециализированных знаний, поскольку следует четко различать науку как сферу эмпирического познания и философию как наиболее обобщенный уровень освоения действительности⁷.

⁴ Бейль П. Исторический и критический словарь. М., 1968. Т. 1. С. 228—229.

⁵ Фейербах Л. Сущность христианства // Избранные философские произведения. М., 1955. Т. 2. С. 320.

⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32—33.

⁷ См.: Лукич Р. Методология права. М., 1981. С. 63—64.

Известно немало определений понятия «наука», в обобщенном виде гласящих, как правило, о том, что наука — это способ духовного производства, осуществляющегося в виде процесса планомерного и систематического познания мира, происходящего на эмпирическом и теоретическом уровнях, результатом которого становится прирост новых знаний (в виде научных фактов) об окружающем мире и его закономерностях. Наука всегда начинается там, где существует какая-либо проблема, поскольку всякая научная проблема — это, как известно, наше знание о незнании. Развитие научного познания является непрерывным процессом последовательного движения от научных фактов и эмпирических обобщений, через гипотезы и теории, к законам, концепциям и парадигмам, которые складываются в итоге в обобщающую научную картину мира. Наука, исправно выполняющая свою эвристическую и прогностическую функцию, «постоянно выходит за рамки предметных структур наличных видов и способов практического освоения мира и открывает человечеству новые предметные меры его возможной будущей деятельности»⁸.

В первичных цивилизациях Древнего Востока шло интенсивное аккумулирование эмпирических данных об окружающем мире, однако отсутствовала интенция на сколько-нибудь целенаправленное теоретическое осмысление природных или общественных феноменов, поскольку общий поток освоения действительности шел через мифологическое или религиозное осмысление мира. Процессы прироста знаний протекали в то время стихийно, ибо отсутствовала критическая деятельность по анализу полученных продуктов познания, а их принятие осуществлялось на бездоказательной и некритической догматической базе в обход какой-либо фальсификации. По этой причине полученное знание существовало в виде совокупности алгоритмов практической деятельности, что непосредственно проистекало из его технологического, прикладного, утилитарного характера. Накопленный в древневосточных обществах огромный массив эмпирических данных, ряд которых отличался невероятно точным характером в наиболее отвлеченных и, как может показаться, «бесполезных» для

той эпохи областях знаний, выступает основой формирования так называемой преднауки, ставшей высшим выражением «палеомышления» первичных цивилизаций. Однако если принимать во внимание тезис о том, что базисом науки является выведенный из эмпирических закономерностей закон, то следует признать, что цивилизации Древнего Востока подлинной науки не знали в принципе, хотя и обладали колоссальным объемом конкретных знаний. Тем не менее именно первичные цивилизации заложили тот мощный фундамент донаучного миропонимания, без которого был бы невозможен поразительный расцвет ранней философии и науки в античных обществах.

Анализируя отличительные черты культурной среды Античности, выдающийся отечественный философ, культуролог и эстетик А. Ф. Лосев отмечал следующее: «Античная культура вырастает на реальной почве, из реального источника. Она — синтез реального и идеального в реальном. Поэтому она по преимуществу телесна»⁹. «Реалистические» черты античного мышления, проявлявшего себя преимущественно как рациональное и даже как теоретическое, всегда тесно связанное с созерцанием чего-либо (от греч. θεωρέω — рассматривать, созерцать, оценивать, судить), наложили известный отпечаток на формирование философского и научного познания в рассматриваемое время. Однако древнегреческая философия есть по преимуществу такой тип познания, который вырабатывает и закрепляет универсальные приемы мышления с точки зрения последовательной и непротиворечивой логичности рассуждения, не ограниченные никакой внешней данностью, прежде всего религиозной верой или чувственным опытом. Философия как «умение всех умений», выраженное в форме чистого знания, не преследует никаких практических или эмпирических целей, ибо она совершенно не связана с использованием ее знаний для удовлетворения повседневных материальных нужд человеческого быта, поэтому, как утверждал Аристотель, все другие науки более необходимы, нежели она, но лучше — нет ни одной¹⁰. Философия признается многими учеными уникальным порождением эллинского духа, поскольку извест-

⁸ Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 46.

⁹ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 68.

¹⁰ См.: Аристотель. Метафизика // Сочинения : в 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 70.

ные нам данные из истории других народов не свидетельствуют о существовании подобного типа знаний в других географических регионах ранее, чем философия возникает в Древней Греции. Более того, хотя восточная мудрость и несколько старше философии эллинов, однако ориентальная мысль являет собой образец совершенно иного осмысления природы и общества. «Действительно, если остальным компонентам греческой культуры можно найти аналоги у других народов Востока, достигших высокого уровня цивилизации раньше греков (верования и религиозные культы, ремесла различной природы, технические возможности разнообразного применения, политические институты, военные организации и т.п.), то, касаясь философии, мы не находим ничего подобного или даже просто похожего»¹¹.

Уже в античное время зарождаются те базовые философские направления, которые с течением времени станут основой методологии, претерпев в дальнейшем превращение во всеобщие философские методы познания: метафизику и диалектику; идеализм и материализм. Возникшая из философии наука формальной логики становится ответственной за выработку будущих общенаучных (логических) методов, то есть дедуктивного и индуктивного методов познания, отличительным чертам которых дал описание Аристотель. Дедуктивный метод, характерный для формально-логических умозаключений, становится основным инструментом познания, то есть своеобразным универсальным «органом» для науки и философии древности и раннего Средневековья. Методология выступает фактором, охватывающим, объединяющим, пронизывающим и развивающим доктринальный и дисциплинарный уровни освоения результатов философских и научных исследований. Практически уже на самых ранних ступенях развития философских и преднаучных знаний появляются философские, а позднее и научные школы, вовлеченные в дисциплинарное усвоение возникавших доктрин, что позволило организовать процесс трансляции полученных знаний в полисах, хотя всеобщее образование здесь еще не стало необходимой основой функционирования социальных институтов. В античное время широкое признание получили Ионийская школа натурфилософии (Милетская школа), матема-

тическая (и мистическая) школа пифагорейцев, Элейская школа идеалистической метафизики, а также софистическая школа, являвшаяся одновременно колыбелью формальной логики и греческой юриспруденции. Колоссальное влияние на все дальнейшее развитие научной и философской мысли оказали широко известные афинские учебные заведения — Академия Платона, просуществовавшая почти целое тысячелетие (388 г. до н. э. — 529 г. н. э.), а также Ликей Аристотеля, которые стали своеобразной «высшей школой» античной эпохи. В эллинистическую эпоху особое значение приобретает знаменитая Александрийская библиотека, пользовавшаяся славой крупнейшего образовательного и научно-исследовательского центра Античности, где занимались научной, творческой и педагогической деятельностью крупнейшие мыслители и ученые того времени, съезжавшиеся в Александрию со всей ойкумены.

С высокой мерой объективности следует говорить только об элементах научного познания (и его методологии) в период Античности, так как наука в ту эпоху еще не могла выступать способом планомерного производства научных знаний на основе систематического исследования всех аспектов реальности. Научные исследования античных «ученых» имели, как правило, спорадический характер и могли дать лишь разрозненные данные об окружающем мире, и именно поэтому дедуктивный подход философов, помогавший построить целостную картину бытия, имел тогда большую познавательную силу, чем индуктивный метод науки. Более того, строго разделить между собой античную философию и науку возможно только постфактум, поскольку в древности их различие со всей ясностью просто не осознавалось. Исходя из сведений о достижениях античных цивилизаций Греции и Рима, следует подчеркнуть, что уже в эпоху Античности сложились такие системы научных знаний, которые можно представить как первые обобщающие теоретические модели, во многом разрушающие догматические конструкты стихийной натурфилософии и претендующие на самостоятельную значимость. Однако отсутствие широко организованной экспериментальной базы в целом и целенаправленной деятельности по постановке научных исследований, в частности, не

¹¹ Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1994. Т. 1 : Античность. С. 3.

способствовало рождению ни подлинно теоретического естествознания, ни позитивных наук об обществе, ни развитой науки в целом. Таким образом, современная наука с характерным для нее сложноорганизованным методологическим аппаратом и широкомасштабными эмпирическими исследованиями могла сложиться только в результате формирования материально-технической базы индустриального, а позднее и информационного (постиндустриального) общества.

§ 2. ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ АНТИЧНОГО ПРАВА

2.1. Зарождение античного права. Возникновение права и ранние этапы становления правовой мысли можно проследить с определенной степенью достоверности лишь с того момента, когда появляются древнейшие письменные источники, то есть возникновение права непосредственно связано с началом самой истории *in stricto sensu*. Еще в античное время цивилизованным признавалось то общество, которое обладало письменностью, так как сложная структура цивилизованного общества просто не сможет нормально функционировать без системы письменной фиксации разнообразной (в том числе и управленческого типа) информации. Цивилизованные общества Древней Месопотамии и Древнего Египта, а несколько позднее — Индии и Китая создают первые из известных нам памятников политической и правовой мысли. Среди наивысших достижений правовой мысли ранних цивилизаций необходимо упомянуть прежде всего такие выдающиеся нормативные акты Древнего Востока, как судебник царя Хаммурапи, закон Моисея (и Второзаконие), а также законы Ману, которые приобрели, несомненно, всемирно-историческое значение.

Следует также отметить, что юридическая мысль древневосточных цивилизаций выполняла не только сугубо практическую функцию правового регулирования общественных отношений, но порой была способна подняться и до определенных обобщений теоретического характера. Например, древнеиндийские Веда содержат в себе ряд таких идей, касающихся

проблемы возникновения общества и государства, которые могут рассматриваться как наиболее ранние из известных науке формулировок теории общественного договора¹². Однако мыслители и правоведы восточных государств-деспотий оказались неспособными выйти на теоретический уровень осмысления правовых феноменов, ибо культурно-исторический возраст развития древних обществ не создавал предпосылок для абстрагирования слишком конкретного (казуистического) содержания права. Кроме того, строго научный и предельно абстрактный по характеру теоретический уровень освоения предмета познания как результат применения научной методологии не смог бы в принципе сформироваться в цивилизациях Древнего Востока по причине абсолютного господства в их общественной идеологии мифологической картины мира.

Принципиально новой страницей в истории правовой мысли становится период Античности, на протяжении которого греки и римляне смогли поднять философское знание и отдельные естественные и даже общественные науки (а в их числе и юриспруденцию) на совершенно иной, невиданно высокий уровень развития. Выдающийся немецкий историк, филолог и правовед Теодор Моммзен (1817—1903) высказал суждение о том, что после того как греки и италийцы разделились, первая из этих народностей обнаружила дивные дарования в области индивидуального творчества, в области культуры, а другая выработала самое огромное и мощное государственное тело. В своей области каждое из этих племен достигло наивысшего возможного для человечества предела и вследствие односторонности своего развития уже клонилось к упадку. Однако в эпоху империи два наиболее даровитых племени Древнего мира вновь сошлись вместе, в своем объединении почерпнули новые духовные силы, достойно заполнили всю обширную сферу человеческой деятельности и совместным трудом создали ту основу, на которой человеческий гений может работать, кажется, безгранично, ибо других путей для человеческого развития просто не найдено¹³.

Поскольку мы можем говорить только об элементах научного познания (и научной методологии) в эпоху Античности как в сфере есте-

¹² См.: История политических и правовых учений : учебник / под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2016. С. 26.

¹³ См.: Всемирная история : римский период / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек [и др.]. М., 2001. С. 7.

ственно-научного познания, так и в области постижения тайн общественной жизни, трудно утверждать существование отдельных научных дисциплин в сфере гуманитарных знаний в те времена. Тем не менее не вызывает особых сомнений соображение о том, что юриспруденция как теоретическая наука гуманитарного цикла начинает складываться именно в античный период истории из повседневной практики применения «живого» обычного права. Следует напомнить, что еще великие поэты архаической Греции Гомер и Гесиод выступили в качестве первых идеологов общественно-политической мысли, запустив в оборот фундаментальные этико-правовые категории, прошедшие через века и тысячелетия и приобретшие особое значение для политико-правовой мысли: δίκη (справедливость), θέμις (обычай, обычное право), νόμος (норма, правило, закон). Наряду с древнейшим «сакральным» правом посвященного жречества в античном мире начинает формироваться и «профанное» право публично-властных институтов, то есть происходил процесс секуляризации правотворчества и правоприменения, в результате чего появляется светское обычное право. В Греции этот процесс был связан с деятельностью философов софистического направления, которые стали первыми профессиональными юристами эллинского мира, бравшими плату за свои консультации и оказание иных услуг, а также организовавшие оплачиваемое обучение своему мастерству. В республиканском Риме из древних норм сакрального права этрусских жрецов *fas* постепенно вызревает новое секуляризованное право высших римских магистратов *jus*, получившее позднее объективацию в «писаном» законодательстве, то есть *lex* (в первую очередь *Leges duodecim tabularum*). Однако еще довольно долгое время множество элементов римской правовой системы оставались основательно пропитанными формализмом древнейшего сакрального права жрецов-понтификов.

Апогеем развития методологии в античное время является творчество великого философа и ученого-энциклопедиста Аристотеля из Стагиры (384—322 до н. э.), ставшего, помимо прочих бесчисленных заслуг перед наукой и философией, создателем той системы формальной логики, которая по праву снискала себе славу «органа» познания. Даже при всей метафизической умозрительности своих дедукций формальная логика и развивающий-

ся на ее основе логический метод познания — вот подлинный базис методологии гуманитарных наук вплоть до современности.

В теоретическом познании государства и права широкое применение получил формально-логический (формально-юридический) метод, так как всякий познавательный процесс протекает в определенных формах, с использованием конкретных приемов мышления, то есть подчиняется общим законам и принципам мышления. Формально-юридический метод является одним из старейших методов в теории права, и к нему часто прибегают при толковании или применении (использовании) действующих норм права, трактовка которых предполагает использование формально определенного подхода. По этой причине формально-юридический метод нередко сегодня называют формально-догматическим методом, поскольку отступление от правовой догмы может повлечь за собой нарушение норм законодательства.

Наряду с логическим методом, в это же время получает широкое развитие и тесно с ним связанный исторический метод познания, рождавшийся из древней традиции жрецов вести хронику или летописи важнейших событий (логографы, анналисты). Логический и исторический методы настолько близки, что можно говорить об историческом методе познания (история как логический порядок исторических фактов, вписанный в сетку хронологии) как о частном случае логического метода, и, следовательно, можно утверждать существование фактически единого логико-исторического метода. Развитие античной философии и науки, а также возникшей на их стыке науки формальной логики приводит к возникновению особой методики, которая была связана с пониманием и трактовкой текстов (в том числе и нормативных правовых актов), что следует считать ранним этапом развития герменевтического метода. Данный метод направлен на постижение смыслов, вложенных в текст какого-либо документа, а одним из первых произведений, непосредственно связанных с рассмотрением герменевтики и как искусства, и как теории понимающего истолкования текста, принято считать трактат Аристотеля «Об истолковании».

Аристотель известен и как первый в истории систематизатор эмпирических и теоретических сведений в самых различных областях знаний, то есть великий мыслитель обратился к масштабному и целенаправленному ис-

пользованию системного подхода. В эпистемологии Стагирита хорошо различимы черты глубокой диалектики, поскольку, по мнению мыслителя, достижение истины должно идти не через общность воззрений ученых, а через преодоление наличествующих у них противоположных взглядов. В его трактатах, посвященных общественно-политической проблематике («Политика», «Афинская полития», «Никомахова этика», «Большая этика»), уже различимы элементы применения сравнительного (компаративного) метода в качестве метода эмпирического познания нормативного материала ряда античных полисов, а также как способа постижения организации в них публичной власти, то есть их «конституций». На основе своей методики анализа политических процессов философ создает теоретические конструкции («полития»), хотя к сравнению политической организации разных народов он прибегал не столько в чисто теоретических целях, сколько в целях выработки конкретных путей практического воплощения наилучшего государственного устройства. Аристотель также предложил широко известное бинарное деление права на естественное право (которое повсюду имеет одинаковое значение и не зависит от признания или непризнания его) и узаконенное (условное, позитивное) право (которое может быть таким или иным), и данная оппозиция прошла испытание временем, нисколько не утратив своей теоретической и методологической актуальности¹⁴.

Продолжили развитие специальной юридической методологии уже римские юристы, а также первые римские научные правовые школы, складывавшиеся вокруг известных в Риме юристов-практиков, результатом деятельности которых стали теоретико-юридические работы как доктринального, так и дисциплинарного уровня освоения правового материала. Обычно принято считать, что Древний Рим не внес серьезного вклада в развитие философии и научных знаний Античности, однако заслуга Рима в развитии юриспруденции неоспорима. Согласно мнению известного французского ученого, специалиста в области сравнительного правоведения Рене Давида, Римская империя знала блестящую цивилизацию и римский гений соз-

дал юридическую систему, не имеющую прецедентов в мире¹⁵. «Divide et impera!» — таков был одновременно и девиз, и принцип агрессивной древнеримской внешней политики, направленной на завоевание новых земель. Для того чтобы разделять, римскому государству были необходимы воины; для того чтобы властвовать — юристы. Более того, римские ученые в сфере юриспруденции — это, по-видимому, первые подлинные ученые-юристы в истории человечества, которые предприняли попытку вывести римскую правовую мысль на абстрактный уровень, поставив перед собой цель теоретического осмысления проблем государства и права. Agere, cavere, respondere, scribere, а не в меньшей мере и instruere et instituere — таковы были основные направления деятельности римских юристов и как практиков, и как теоретиков, и как педагогов. Римская юридическая наука с самого своего зарождения тяготела к методологии научно-теоретического анализа права, коль скоро правовые законы всегда нуждаются в толковании и такое толкование должно быть делом сведущих в науке права юристов. Отличительными чертами римского права являлись его гибкость и универсальность, а развивавшие право юристы (в первую очередь преторы) формулировали *regulas juris* как на эмпирической базе конкретных казусов и норм, бытовавших в Риме или в провинциях, так и на основе трудов влиятельных мыслителей. *Ratio scripta* («писанный разум» либо «здравый смысл в письменах») — такую высочайшую оценку вполне заслуженно получает римское право уже в начале Нового времени, хотя следует заметить, что в литературе присутствуют и скептические высказывания на этот счет¹⁶.

Римские юристы I в. н. э. разделились на две влиятельные правовые школы (или, скорее, правовые «секты»), объединившие последователей известных правоведов, — «прокульянцев» во главе с Лабеоном и «сабинианцев» во главе с Капитоном, правовые диспуты которых явились важным вкладом в совершенствование классического римского права. Если произвести методологическое обобщение содержания их споров, то «прокульянцы» оказывали предпочтение строгой интерпретации правового текста либо устава, договора или завеща-

¹⁴ См.: Аристотель. Никомахова этика // Сочинения : в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 160.

¹⁵ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 51.

¹⁶ См., например: Новицкий И. Б. Римское право : учебник. М., 2009. С. 15—16.

ния и рассматривали право как согласованную систему логически взаимосвязанных норм. «Сабинианцы» же придавали особое значение справедливости правосудных решений по отдельным юридическим казусам и апеллировали в большей степени к юридической практике и роли властного усмотрения, нежели к логике структуры и функционирования правовой системы¹⁷. Несколько позднее начинают формироваться юридические школы институционального характера, ставшие прообразом современной академической организации высшего профессионального образования в сфере юриспруденции. «История [римских] правовых школ прослеживается со времени принципата: первая правовая школа, по всей вероятности, была основана в Риме во втором столетии, а вслед за ней в третьем веке была основана еще одна правовая школа в сирийском городе Бейруте. Цель подобных правовых школ заключалась в подготовке специалистов для деятельности на ниве государственной службы. Когда после административных реформ императоров Диоклетиана и Константина государственные должностные лица начали занимать ключевые позиции в правительстве, тогда же и правовые школы стали приобретать все большее значение. В дополнение к школам в Риме и Бейруте, которые пользовались весьма большим уважением, новые правовые школы были основаны в таких городах империи, как Карфаген, Александрия, Кесария и Афины, а также в 425 г. в Константинополе. Снова приступили к изучению классической науки римского права, особенно в правовых школах Бейрута и Константинополя, то есть это происходило именно в тех школах, которые закладывали основание кодификации гражданского права императора Юстиниана»¹⁸.

Каким же конкретно образом осуществлялось абстрактно-теоретическое осмысление правовых феноменов римскими юристами? Известно, что римское право можно трактовать в виде системы права, которая предстает в виде совокупности следующих элементов (либо подсистем): *jus civile* (право граждан), *jus gentium* (право народов), *jus honorarium* (пректорское право), *jus aequum* (право справедливости) и *jus naturale* (естественное право). При

этом право справедливости и естественное право не являются совокупностью конкретных правовых норм, то есть не обладают качеством нормативности, но выступают как идеологические и принципиальные положения, регулирующие собственно нормативные элементы системы. Право справедливости и естественное право — это совокупность идей, принципов, ценностей, которые призваны выражать скорее не букву законов, но самый дух права, получающий, несмотря на свой абстрактный характер, конкретное претворение в случае пробелов в нормативном материале волеустановленного права. Естественное право является, согласно воззрениям античных мыслителей, первичным, природным правом, ибо оно повсюду имеет одинаковую силу и совершенно не зависит от признания либо непризнания людьми, а римский юрист Гай считал *jus gentium* порождением естественного разума (*ratio naturalis*). Природное равенство частных лиц, участвующих в правоотношениях, стало той основой, на которой вызревало римское частное право, отличавшееся скрупулезной разработкой всех существенных правовых отношений, порожденных производством товаров, а также их коммерческим оборотом. Сколько бы ни оставалось архаизмов в нормативном содержании классического римского права, в нем уже ясно различимы те качества и те предпосылки, которые в перспективе способствовали превращению казуистического права в абстрактное. Следует отметить, что право справедливости и особенно естественное право становятся предметами философского дискурса уже в Античности, и разработка этой проблематики привела в дальнейшем к появлению философии права в качестве отдельной дисциплины.

Итальянский ученый-романист Чезаре Санфилиппо указывает, что в соответствии с римскими классическими представлениями *jus aequum* — это всегда и есть *jus*, то есть оно укладывается в юридическую систему и находит в ней свое место, образуя ее неотъемлемую часть. Таким образом, *jus aequum* не представляет собой явление, чуждое праву в целом и ему противостоящее. Напротив, *aequitas* — это и есть сам дух права в соответ-

¹⁷ См.: Stein P. G. Roman law // The Cambridge history of medieval political thought c. 350 — c. 1450 / edited by J. H. Burns. Cambridge, 2008. P. 39.

¹⁸ Tellegen-Couperus O. A short history of Roman law. London, 1993. P. 133—134.

ствии со знаменитым определением римского юриста Цельса: «Jus est ars boni et aequi», то есть право — это мастерство (ars), позволяющее достичь полезного (bonum) и примирить интересы (aequum)¹⁹. Выдающийся юрист Ульпиан, которому были близки понятия bonum et aequum, benignum et humanum, определял саму юриспруденцию в рамках этического дискурса античной мысли как науку о праве, как правовое благоразумие, а также как «познание божественных и человеческих дел, знание справедливого и несправедливого» (D. 1.1.10). Конкретное юридическое воплощение права справедливости можно найти в широко известном фрагменте из экспозиции Дигест, где были сформулированы важнейшие правовые установления, заключавшиеся в трех основных принципах права. «В течение веков их происхождение велось от римского юриста Домиция Ульпиана (ок. 170—228). Говорится ясно и в обостренной форме, будто высечено на камне: “Указания закона таковы: жить честно, не обижать другого, каждому воздавать должное” (“Juris praecepta sunt haec: honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere”). Превратившись в императивы, они вознеслись до самых знаменитых принципов западного права, до трех категорических правовых принципов. Как для частного, так и для должностного лица они одновременно необходимо и достаточно определяют личную справедливость или добропорядочность»²⁰.

Отметим, что с именем Ульпиана также связывают известную классификацию права на публичное право и частное право, воспринятую позднейшей европейской юриспруденцией (ее романо-германской ветвью) в качестве фундаментальной: «Huius studii duae sunt positiones, publicum et privatum. Publicum jus est quod ad statum rei Romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem»²¹ (D. 1.1.2). Оппозиция публичного и частного права становится элементарным, но вместе с тем важным опытом приложения системного подхода к праву, состоящего из двух взаимосвязанных компонентов, которые, в свою очередь, могут быть

подвергнуты дальнейшему делению на отрасли и институты права. Однако В. С. Нерсесянц подчеркивал, что «хотя римские юристы и сформулировали принципы различения публичного и частного права, однако ни римское право, ни римская юриспруденция, ни римское юридическое образование не были построены и разработаны как конкретизация и развертывание данного принципа в правовую систему с ее делением на две области права (публичного и частного) или два раздела учения о праве. Такое разделение было осуществлено много позже, — конечно, под римским влиянием, но в других, более развитых условиях, на правовом материале стран Западной Европы, в юридической науке Нового времени»²².

Знаменитый древнеримский философ, литератор, юрист и политический деятель Цицерон (106—43 до н. э.), творчески развивая юснатурализм перипатетиков, сделал первые шаги в направлении рационалистической трактовки сущности естественного права как разумного установления, покоящегося на неизменном нравственном сознании и законе, который вложен в сердца всех людей самой природой²³. Не лишним будет напомнить, что эта рационалистическая линия нашла свое продолжение уже в Новое время, в первую очередь в трудах выдающегося нидерландского юриста и теоретика права Гуго Гроция. «Цицерон был уверен в том, что законы, налагавшиеся на ведущих общественный образ жизни людей и закреплявшие за ними обязанности, сохраняются не только страхом наложения наказания, но скорее благодаря человеческому чувству справедливости и коллективной пользы. Человеческое право народов (jus gentium) должно быть приведено в согласие с более фундаментальными принципами всеобщего закона природы (lex recta ratio naturae congruens est). Эталон правосудия находится в разуме [человека] и именно из просвещенного разума происходят справедливые гражданские законы, призванные управлять обществом. Всеобщий закон природы охватывает и направляет право народов, которое, в свою очередь, охватывает

¹⁹ См.: Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учебник. М., 2012. С. 68.

²⁰ Хеффе О. Справедливость : Философское введение. М., 2007. С. 71.

²¹ «Право изучается в двух аспектах, публичном и частном. Публичное право обращено на состояние римского государства в целом, частное же относится к имущественным выгодам отдельных лиц».

²² Цит. по: Дождев Д. В. Римское частное право : учебник для вузов. М., 1996. С. 9.

²³ См.: Цицерон. О государстве // Диалоги. М., 1966. С. 64.

и направляет право граждан. Право граждан является более определенным, чем право народов, но и оно находится в рамках действия основополагающих принципов естественного права. Этот естественный закон вписан в средоточии врожденных способностей человека, однако только законодатели с просвещенным интеллектом обладают доступом к нему как высшему разуму и истинному закону. Все же остальные люди просто принимают разумную пользу правовых законов, которые поддерживают общность людей и их согласие»²⁴.

2.2. Развитие и упадок античной юриспруденции. Переломным моментом в истории Древнего Рима становится политический кризис I в. до н. э., разразившийся в связи с переходом от республиканской формы правления и полисного устройства местного самоуправления в муниципиях к более централизованной организации публичной власти в период империи. Римское государство превращается из небольшой олигархической республики на италийской земле в мировую империю, которая сначала в облики принципата (с 27 до н. э. по 284 н. э.), а позднее в форме сближавшегося рядом черт с абсолютной монархией домината (с 284 н. э. по 476 н. э.), выступает как важнейший политический actor Средиземноморья. Со времени правления Октавиана Августа (27 до н. э. — 14 н. э.) Рим все больше превращался из аристократического полиса, во главе которого стояла римская и италийская знать, в мощный политический союз большинства рабовладельцев Средиземноморского региона. В этот период были уничтожены границы между государствами, превратившимися в римские провинции, была унифицирована финансовая (монетная) система, внутренние войны и морской разбой строго пресекались, то есть были созданы такие условия, которые благоприятствовали установлению экономических и культурных связей между различными областями Средиземноморья. Все эти меры привели к относительному прогрессу аграрного сектора экономики империи, расцвету ремесленного производства, увеличению масштабов капитального строительства, а также росту объема как внешнего, так и внутреннего товарооборота. Благодаря развитию хозяйственной жизни Римская империя к II в. н. э. превратилась из военно-политического образования в многона-

циональное государство, в котором различные племена и народы были объединены не только одной силой оружия, но и общим экономическим базисом.

В целом правовая политика императоров была направлена на вытеснение и замещение местных правовых норм и обычаев на нормы общеимперского законодательства, хотя данный процесс оказался длительным и происходил при сильном влиянии на законодательство Рима норм местного, особенно эллинистического, права. Однако в отдельных провинциях империи продолжали действовать местные системы законодательства, сложившиеся в этих регионах еще задолго до установления римского владычества (Египет, Карфаген, Иудея, Греция, Сицилия), но одновременно там действовали и эдикты римских магистратов (проконсулов). Весьма значительным событием в истории римской юриспруденции становится учреждение в 242 г. до н. э. должности претора по делам перегринов (иностранцев) (*praetor peregrinus*), который в своей правовой деятельности не был жестко связан нормами гражданского права. Пользуясь определенной свободой усмотрения, претор мог, помимо обращения к общепринятым правовым обычаям народов (*jus gentium*), аргументировать решения ссылками на справедливость (*aequitas*) либо на естественный разум (*ratio naturalis*). Если большинство римских юристов использовали в своей профессиональной деятельности элементы герменевтического или формально-юридического метода, то можно с уверенностью утверждать, что *praetor peregrinus* начал целенаправленно применять компаративно-юридический (сравнительно-правовой) метод с целью сопоставления и гармонизации нормативного материала *jus gentium* с нормами *jus civile*.

В имперский период образованные выходцы из провинциальной знати стали все чаще занимать видное положение в военной и гражданской администрации древнеримского государства, а государственный аппарат всячески охранял имущественные права и привилегии новой элиты. «Поскольку попытка сохранения полисного устройства властных институтов становилась все более и более несостоятельной, и были выработаны альтернативные модели организации публичной власти, позволившие

²⁴ Coleman J. A history of political thought. Oxford, 2000. P. 284.

иметь дело с новым территориальным устройством государства, то на все эти изменения римские политические мыслители откликнулись совершенно практическим образом. К примеру, выдающиеся юристы, представители правовых школ инкорпорировали правовые нормы различных подвластных народов в римское [цивильное] право, создавая с течением времени *jus gentium* или право народов (право племен), которое в дальнейшем могло бы применяться для населения по всей территории империи. Создание сборников правовых прецедентов свидетельствовало о необходимости общего регулирования администрацией отношений между жителями отдаленных областей, и римские магистраты становились ключевыми фигурами в процессе имплементации норм права народов в провинциях. Во время правления императора Августа провинции были впервые в истории Рима организованы с определенным попечением о благосостоянии населения, что было в дальнейшем легитимировано принятием всеобъемлющих правовых кодексов»²⁵.

Около 150 г. до н. э. окончательно складывается упрощенный формулярный судебный процесс, который пришел на смену формализованному легисакционному процессу и превратил претора в действительного арбитра всех судебных споров. Примерно в это же время начинается период так называемой респонсы (*responsa prudentium*) — квалифицированного ответа либо заключения юристов (среди которых могли быть и мнения выдающихся ученых) на запрос суда, оказавшегося в затруднительном положении. Римские респонсы обладали качеством нормативности, а их истоки коренья в юридических заключениях древних жрецов-понтификов, однако респонса приобретает новое значение уже как феномен «профанного» права, становясь результатом практики «гражданских» юристов. Пору наивысшего расцвета респонса пережила в императорский период, и классическим примером теоретического осмысления и обобщения подобной деятельности следует считать известные сборники выдающегося юриста Папиниана *quaestiones* (в 37 книгах) и *Responsa* (в 19 книгах), отличавшиеся лапидарной лаконичностью изложения материала. Отсутствие в Риме до периода домината верховного апелляционного суда

в качестве специализированного учреждения юрисдикции, которое могло бы контролировать и направлять суды низшего уровня, способствовало расширению сферы применения респонсы и ее официальному узаконению.

В период домината по всей империи была установлена единообразная бюрократическая система с множеством инстанций и строгой субординацией внутри администрации, что сопровождалось наделением должностных лиц юрисдикционной компетенцией в соответствии с их местом в административной иерархии (складывается экстраординарный процесс). Происходит постепенная децентрализация государства, связанная с возникновением новых центров политической власти и административного управления (Никомедия, Медиолан, Византий (Константинополь), Равенна), то есть Рим остается только номинальной столицей империи, а римский сенат превращается в муниципальный совет города. Кризис III в. нанес тяжелый удар по муниципальной знати и городским землевладельцам, которые были опорой принципата, и в это же время значительная часть городского населения переместилась в сельскую местность, так как разорившиеся городские землевладельцы нередко сами становились колонами у владельцев крупных, экономически автономных поместий (сальтусов). Поскольку рабовладельческий способ производства исчерпал последние возможности для поступательного развития экономики, началось быстрое вызревание феодальных общественных отношений, возникавших на основе социальных структур отмирающего рабовладельческого строя. В этих условиях правовое регулирование сыграло немаловажную роль в процессе феодализации социально-экономических отношений, ибо свободный уход колоннов приводил к общему ухудшению обработки земли и запустению огромных участков плодородных земель. Правительство и магнаты были заинтересованы в том, чтобы вся пригодная земля была возделана и поэтому прикрепление к земле колоннов (с дальнейшим их закрепощением), начавшееся еще в годы правления Диоклетиана, продолжилось, получив законодательное оформление в конституции императора Константина 332 года «О беглых колонах», отличавшейся репрессивным характером. Рядом императорских указов было запрещено

²⁵ Spellman W. M. A short history of western political thought. NY, 2011. P. 23—24.

привлекать земледельцев к экстраординарным повинностям, уводить за долги рабов-пахарей и их скот, а также принуждать свободных крестьян работать на полях крупных магнатов-латифундистов. В середине IV в. с целью защиты провинциальных крестьян и колонов от злоупотреблений магнатов и коррумпированного чиновничества, а также для надзора за соблюдением законов и отправлением правосудия был создан особый институт «городских дефензоров» (защитников), что, однако, мало облегчило положение податных земледельцев или городского плебса.

Со времени правления Септимия Севера (193—211), который провел глубокую структурную реформу политических институтов, усилившую влияние административного аппарата и укрепившую бюрократический стиль управления, император становится единственным источником государственной власти, а его воля объявляется высшим законом Рима. Данные меры привели к изменению юридического положения сената и магистратов, которые традиционно были носителями власти, вручаемой им народом, но теперь сенат утратил свое древнее право издавать законы и выбирать магистратов, ибо это становится исключительной прерогативой принцепса. Принципат, установленный императором Августом и переживший свой исторический зенит при Флавиях и Антонинах, после реформ Септимия Севера все больше превращается в бюрократию, что стало важной предпосылкой для метаморфоза империи в доминат — неограниченную монархию Диоклетиана и его преемников. К двум могущественным опорам политического режима императора Диоклетиана, то есть римской армии и бюрократическому аппарату, в годы правления императора Константина прибавляется новая мощная сила — христианская церковь. Отметим, что все эти силы выступили надежной опорой домината, являясь тем стабилизирующим фактором, который должен был заменить практическое отсутствие социально-экономического единства переживавшей перманентный кризис империи.

В 395 г. произошло окончательное политическое разделение римского государства на два обособленных политико-территориальных образования со своими столицами и со своими дворами, все более подменявшими теперь функции администрации: Западную Римскую империю (столица Равенна) и Восточную Римскую империю, или Византию (столица Кон-

стантинополь). После того как в 212 г. эдиктом императора Каракаллы было даровано право римского гражданства всем жителям империи, в том числе и варварам, римское гражданство утрачивает свою былую ценность, фактически уравнивая все категории населения Рима в их бесправии. Кардинальные сдвиги в социально-экономической структуре и политической организации государства происходили в условиях усиливающегося притока варварских племен к римским границам, часто переходивших к открытому насилию и грабежам на территории империи. В конечном итоге германский вождь Одоакр, командуя императорской армией, состоявшей в основном из представителей германских племен, низложил последнего римского императора Ромула Августула, а императорские регалии отослал в Константинополь. Таким образом, в 476 г. Западная Римская империя перестает существовать как геополитическая реальность, и этот год считается датой завершения периода Древнего мира как эпохи господства рабовладельческого способа производства и рабовладельческого социально-экономического строя.

В эпоху общего ослабления политической гегемонии Римской империи на международной арене и постепенного внутреннего разложения (особенно после гражданской войны 193—197 гг.) повседневная законодательная практика оттеснила в сторону теоретическое правоведение с его усложненной методологией. Снижение авторитета правовой науки происходило в течение столь длительного времени, что римские юристы начали постепенно «деквалифицироваться», утрачивая всякую возможность посвятить себя теоретической деятельности или углубленному изучению наследия классической юриспруденции. «Эта эпоха — по уровню развития правовой науки она занимала ведущее место в мире вплоть до середины III века н. э., когда началось внутреннее разложение Римского государства, — была насыщена исключительно большим количеством самых разнообразных научных работ в области правоведения, из которых до наших дней, к весьма глубокому сожалению, дошла лишь малая толика. Эти работы содержали большое количество материалов, которые представляли собой выполненные римскими юристами судебные экспертизы (*jus respondendi*). В них же содержались и различного рода комментарии к гражданскому праву (*jus civile*). Несколько меньшее значение

имели монографии по отдельным правовым институтам, а работ теоретического спекулятивного характера в этих сочинениях не было вообще. Основная сила римского ученого-правоведа заключалась в практическом разборе отдельного конкретного факта, и именно этот ключевой момент служил для римских судов практическим руководством в их работе. Наоборот, материалов, представлявших собой систематизированный анализ правовых норм и самих основ этих норм, в упомянутых научных работах не было: все они вошли в юридические учебники для начинающих юристов. По мере развития юридического образования такие учебники постепенно становились все более обычным явлением. В отличие от научных трудов классиков-юристов эти учебники не претендовали на утонченный казуистический анализ. Наоборот, в них преследовалась иная цель — дать в руки начинающим юристам доступные и несложные для осмысления представления обзорного характера об основных правовых институтах той эпохи»²⁶.

Выдающийся юрист II в. н. э. Гай, который осуществлял свою научную и практическую деятельность в сфере судебной экспертизы (*jus respondendi*) во времена императоров Антонина Пия и Марка Аврелия, составил около 161 г. краткий элементарный учебник римского частного права (включавший также вопросы ведения судебных процессов), известный нам как *Institutiones*. Учебник был написан настолько ясным и доступным для понимания языком, что быстро завоевал огромную популярность среди обучающихся юристов и, кроме того, стал широко использоваться законодателями позднеримского периода: так, на основе Институций Гая были созданы Институции Юстиниана. Римские юристы также составляли комментарии на нормы гражданского права, в определенном смысле произошедшего из обычаев либо обычного права, а также на нормы законов или на эдикты преторов. В начале третьего столетия идеи более ранних правовых авторов и научных школ были синтезированы в работах трех выдающихся римских юристов: Папиниана, занимавшего должность префекта претория (высшая должность в государственном аппарате империи) во время правления императора Септимия Севера и специализировавшегося

на анализе индивидуальных казусов, а также Павла и Ульпиана, которые служили помощниками Папиниана²⁷. И Павел, и Ульпиан составляли комментарии на преторские эдикты и на гражданское право (*ad Sabinum*); в частности, работы Ульпиана исчерпывающе охватывают важнейшие правовые институты и дают исчерпывающие ссылки на взгляды авторитетных предшественников. После смерти Ульпиана (в 223 г.) сочинения подобного уровня появляются гораздо реже, хотя конституции императора Диоклетиана (конец III в. н. э.) свидетельствуют о том, что императорская канцелярия все еще состояла из правоведов с первоклассной юридической подготовкой, которые были озабочены сохранением норм и принципов классического римского права.

После установления принципата право законодательной инициативы и правотворческие функции переходят к императору и сенату, хотя авторитет крупнейших юристов оставался настолько значительным в римском обществе, что императоры делегировали наиболее выдающимся правоведам нормотворческую прерогативу государства.

В 426 г. был издан закон императоров Феодосия II и Валентиниана III о цитировании (*Lex Allegatoria*), который придал обязательную юридическую силу сочинениям пяти выдающихся ученых-юристов — Гая, Ульпиана, Павла, Модестина и Папиниана. Данный закон вводит принцип большинства в чисто научное дело толкования (при равенстве голосов решающее значение имело мнение Папиниана), а также придает особую силу сентенциям Павла («мы также предписываем, чтобы сентенции Павла всегда имели силу»), получавшим предпочтение при разрешении коллизий. Так деятельность выдающихся ученых-юристов, то есть римская правовая доктрина, становится едва ли не важнейшим из источников права в Древнем Риме, что, без сомнения, следует признать уникальным опытом в истории юриспруденции. Однако факт принятия закона о цитировании сентенций выдающихся юристов свидетельствует о завершении периода творческого развития классического римского права, коль скоро процедура отыскивания цитат подменяет собой поиск новых теоретических подходов к проблемам зарождавшегося раннефео-

²⁶ Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 112.

²⁷ Папиниан был убит в 212 г. по приказу наследника Септимия Севера — императора Каракаллы.

дального общества. Более того, с точки зрения юридической техники метод цитирования выдержек из законодательства и комментариев юристов был очевидным признаком инволюции правовой мысли и даже «окаменения» права, что стало толчком к проведению всеобъемлющей кодификации в постклассический период истории римского права.

В годы правления императора Адриана (117—138) берет свое начало широкомасштабная деятельность юристов по систематизации римского права. По распоряжению Адриана юристы свели выдержки из всех годовых преторских эдиктов в один обобщающий правовой акт, получивший известность как *Edictum perpetuum Hadriani* («Вечный эдикт»), который стал наиболее подробно разработанным руководством по организации процесса римского судопроизводства²⁸. «Вечный эдикт», подготовленный на основе отбора и пересмотра норм многочисленных преторских эдиктов предшествующего времени и впоследствии одобренный сенатом и утвержденный императором (оставлявшим за собой право вносить любые изменения), становится обязательным при отправлении правосудия не только в самом Риме или на итальянских землях, но и в остальных провинциях империи. Таким образом, преторы потеряли нормотворческую компетенцию, поскольку отныне ею обладал один лишь император, опиравшийся на консультации правоведов своей собственной канцелярии, а также на респонсы тех выдающихся юристов, которым он сам делегировал правотворческие полномочия. С этого времени приобретают широкое распространение следующие сентенции римских юристов: «что угодно императору, то имеет силу закона», или «император законами не связан». Произшедшие перемены обрели законченное закрепление в кодификационной деятельности римских императоров периода домината — сначала Диоклетиана (частные кодификации юристов Грегориана и Гермогениана), а затем и Феодосия II. Первым официальным сводом римских законов явился составленный в 438 г. *Codex Theodosianus* («Кодекс [императора] Феодосия II»), в который вошли все императорские конституции со времени правления императора Константина (с 311 по 437 гг.). Кодекс Феодосия, объединивший в себе актуальные нормы публичного

(особенно административного и финансового отраслей права), а также нормы раннего канонического права, продолжал действовать в восточной части Римской империи вплоть до 534 г., то есть до времени опубликования Свода Юстиниана.

Завершающий этап систематизации римского права ознаменован созданием по повелению византийского императора Юстиниана (527—565) такого выдающегося памятника, как *Corpus juris civilis* («Свод [римского] гражданского права»), представлявшего собой итоговое достижение всей античной юриспруденции в сфере кодификации права. Создание Свода Юстиниана, ставшего на долгие века важнейшим источником римского права, традиционно считается центральным событием постклассического периода его истории, хотя данная кодификация фактически выходит за хронологические рамки Античности и во многом уже принадлежит раннему Средневековью. Работа по составлению Свода была выполнена в короткий срок выдающимися правоведами своего времени, в числе которых были ведущие профессора юридической школы Константинополя Феофил и Кратин, а также Дорофей и Анатолий из школы Бейрута (в помощь профессорам были определены еще 11 юристов). Общее руководство кодификацией осуществлял крупный византийский государственный деятель и правовед Трибониан, занимавший высокий пост «квестора дворцового ведомства» (глава кабинета министров), председательствовавший в императорской консистории и ведавший законодательными работами. Византийские юристы в своей работе широко использовали прием интерполяции, который по своему смыслу противоположен формально-юридическому (догматическому) методу, поскольку интерполяция предполагает внесение изменений в первоначальный текст, когда переписчиком или переводчиком производится вставка в текст новых слов либо целых фраз, отсутствовавших в оригинале. Интерполяции были вызваны глубокими социально-экономическими сдвигами, произошедшими в результате падения Западной Римской империи, а также владычеством эллинистической культуры и греческого языка в Византии, что лишило актуальности многие установления римского права классического периода.

²⁸ Эту широкомасштабную работу осуществил в 125—138 гг. известный римский юрист Сальвий Юлиан.

Свод Юстиниана является во многом плодом приложения системного подхода, поскольку он состоит из различных по своему содержанию и по форме частей-элементов, довольно сильно разнящихся как по времени, так и по месту их возникновения. *Corpus juris civilis* представляет собой совокупность следующих отдельных блоков (или компонентов):

- 1) *Codex* (Кодекс) — собрание императорских установлений (конституций) в 12 книгах со времени Адриана до времени Юстиниана; первое издание — 529 г., второе — 534 г.;
- 2) *Institutiones* (Институции) — элементарный учебник права в 4 книгах (на основе Институций Гая); был опубликован в 533 г. с приданием ему специальным указом императора силы, равной всем другим частям свода;
- 3) *Digesta* (vel *Pandectae*) (Дигесты (Пандекты)), в составе 7 частей и 50 книг, 432 титулов и 9 123 отдельных фрагментов; изданы в 533 г.;
- 4) *Novellae* (*leges*) (Новеллы) — 168 «новелл», то есть новых законов, изданных императором Юстинианом после публикации второй редакции Кодекса в 535—565 гг.

В свою очередь, части Свода Юстиниана также можно представить как системные объекты второго порядка (подсистемы), состоящие из ряда элементов. Например, в Институциях отдельные институты римского частного права были изложены согласно предложенной выдающимся юристом Гаем элементарной схеме «лица — вещи — обязательства — иски», компонентам которой были посвящены отдельные книги комментариев, и подобная схема не встречается до Гая в трудах ни одного из более ранних античных правоведов²⁹.

Обычно те источники, которые использовали в своей работе составители кодификации Юстиниана, содержали небольшие по объему размышления римских юристов классического периода, посвященные теоретическим и методологическим аспектам юриспруденции. Комментарии выдающихся юристов базировались на казуистическом способе разъяснения права, а разбросанные среди юридических текстов отдельные теоретические фрагменты, касающиеся сущности права, были заимствованы в основном из греческой философии. Указан-

ные комментарии, собранные составителями в преамбулах Дигест (Пандектов), Институций и Кодекса, приобрели принципиальное значение в процессе рецепции римского права, поскольку содержали в себе теоретические, абстрактные идеи, которые были подвергнуты преобразованию ровно в той мере, чтобы найти себе применение в среде новоевропейской юриспруденции. Установления, термины, схемы, принципы, нормы, а также методология классического римского частного права оказались настолько универсальными и пластичными, что в отдаленной перспективе открылась возможность их применения в любой другой правовой системе, даже в совершенно иной исторической, культурной и социально-экономической обстановке.

Таким образом, совершенно не вызывает удивления тот факт, что римское право (особенно его частноправовой компонент) оказалось теоретической основой для создания систем гражданского законодательства многих буржуазных государств современного мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наследие античной юриспруденции (в первую очередь *Corpus juris civilis*) становится важнейшим объектом научного анализа на всех этапах рецепции римского права, определившей основные направления научных исследований и теоретической разработки в Европе Средних веков и Нового времени. Во многом на основе систематического, догматического, а нередко и критического прочтения и изучения творческого наследия античной политико-правовой мысли и сочинений римских юристов складываются такие основополагающие правовые дисциплины, как философия права, теория права, энциклопедия права, а позднее и самостоятельные теории отдельных отраслевых юридических наук. В недрах этих философских, теоретических и отраслевых дисциплин начинает вызревать и уточняться «общая» методология юриспруденции, связанная крепкими узами с методологической сферой других естественных и общественных наук. Более того, рецепция и теоретическое постижение римского права прямо способствовали каче-

²⁹ Напомним, что согласно определению Гая, все право, которым мы пользуемся, относится или к лицам, или к вещам, или к искам (*Gai., Inst. 1.8*).

ственному переходу юридической техники европейского права (романо-германской правовой семьи) от архаичного казуистического состояния к абстрактному способу воплощения

содержания нормативных актов современного законодательства, что следует расценивать как событие, равнозначное по масштабу смене парадигм в континентальном праве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аннерс Э. История европейского права. — М., 1994.
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. — М., 1976. Т. 1—4.
3. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. — М., 1972. — Т. 2.
4. Всемирная история : римский период. — М., 2001.
5. Давид Р. Основные правовые системы современности. — М., 1988.
6. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. — М., 1993.
7. Лукич Р. Методология права. — М., 1981.
8. Рассел Б. История западной философии. — М., 2016.
9. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. — СПб., 1994. — Т. 1 : Античность.
10. Степин В. С. Теоретическое знание. — М., 2000.
11. Томпсон М. Философия науки. — М., 2003.
12. Фейербах Л. Избранные философские произведения. — М., 1955. — Т. 2.
13. Хеффе О. Справедливость: философское введение. — М., 2007.
14. Цицерон. Диалоги. — М., 1966.
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991.
16. Coleman J. A history of political thought. — Oxford, 2000.
17. Spellman W. M. A short history of western political thought. — NY, 2011.
18. Tellegen-Couperus O. A short history of Roman law. — London, 1993.

Материал поступил в редакцию 28 февраля 2017 г.

METHODOLOGICAL FEATURES OF THE ANCIENT JURISPRUDENCE

GALKIN Ivan Viktorovich — PhD in Law, Lecturer at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
galckynvanya@rambler.ru
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9

Review. The article is devoted to the methodological peculiarities of the ancient jurisprudence. The ancient world is undoubtedly an extremely important period not only in the world history, but also in the history of the development of philosophical knowledge and positive sciences, and therefore in the history of methodology, arising and functioning at the intersection of philosophy and science. The methodology is a philosophical discipline, which sets the correct methods, approaches, ways of learning, and also creates necessary tools of scientific research, including those in legal sciences. The key aim of the methodology is an efficient organization and management of knowledge as a purposeful process of receiving and processing of new and reliable scientific facts. Special significance of the ancient period of methodology development is that it is this historical point that laid the foundations of the methodological principle of the matrix of cognitive activity. Undoubtedly, from the objective point of view it is only possible to speak on the elements of scientific knowledge and methodology in the period of the ancient world, as the science of that era could not be used as a smooth and systematic production of scientific knowledge on the basis of a comprehensive study of the reality. However, it is in the ancient times when a methodological basis of juridical science began to emerge, especially due to the theoretical efforts of the Greek thinkers and distinguished Roman jurists. We can certainly talk about cognitive multi-directional efforts of the scholars of ancient societies: Greek thinkers undertook the development of a theoretical side of political legal perspective, and Roman lawyers became widely known through practical activities in the field of State and Law. Roman law, was not only the final stage in the evolution of the ancient law, but it was the outcome of the overall development of legal theory and practice of the ancient world absorbing many important achievements of the legal thought of the greater part of the advanced countries of the ancient world. Thus, this article covers a rather ambiguous question on methodological grounds of theory and jurisprudence of the ancient time.

Keywords: *ancient jurisprudence, hermeneutic method, natural law, codification, logical method, methodology, the right of peoples, the right to justice, law, system approach, the comparative law method, formal-legal method.*

BIBLIOGRAPHY

1. *Anners, E.* History of the European Law. — M., 1994.
2. *Aristotle.* Writings in 4 volumes. — M., 1976. — Vol. 6.
3. *Bacon, F.* Writings in two volumes. — M., 1972. — Vol. 2.
4. *World History: the Roman Period.* — M., 2001.
5. *David, R.* Major Legal Systems of Today. — M., 1988.
6. *Losev, A. F.* Essays on Ancient Symbolism and Mythology. — M., 1993.
7. *Lukic, R.* Law Methodology. — M., 1981.
8. *Russell, B.* History of Western Philosophy. — M., 2016.
9. *Reale, D., Antiseri, D.* Western Philosophy from its Origins to our Days. Vol. 1. Ancient World. — SPb., 1994.
10. *Stepin, V. S.* Theoretical Knowledge. — M., 2000.
11. *Thompson, M.* Philosophy of Science. — M., 2003.
12. *Feuerbach, L.* Selected Philosophical Works. — M., 1955. — Vol. 2.
13. *Hoffe, O.* Justice: Philosophical Introduction. — M., 2007.
14. *Cicero.* Dialogues. — M., 1966.
15. *Jaspers, K.* The Origin and Goal of History. — M., 1991.
16. *Coleman, J.* A History of Political Thought. — Oxford, 2000.
17. *Spellman, W. M.* A Short History of Western Political Thought. — NY, 2011.
18. *Tellegen-Couperus, O.* A Short History of Roman Law. — London, 1993.